

ХАЛЦЕДОНОВЫЙ
ДВОР

MAINSTREAM
представляет
книги МАРИ БРЕННАН

ЦИКЛ «МЕМОУАРЫ ЛЕДИ ТРЕНТ»:

КНИГА ПЕРВАЯ
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ДРАКОНОВ

КНИГА ВТОРАЯ
ТРОПИК ЗМЕЕВ

КНИГА ТРЕТЬЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ВАСИЛИСКЕ»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ТАЙНА ЛАБИРИНТА

КНИГА ПЯТАЯ
В ОБИТЕЛИ КРЫЛЬЕВ

ЦИКЛ «ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ДВОР»:

КНИГА ПЕРВАЯ
ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

МАРИ БРЕННАН

ХАЛЦЕДОНОВЫЙ ДВОР

ЧТОБ НИКОГДА
НЕ НАСТУПАЛА
ПОЛНОЧЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445
Б89

Marie Brennan
MIDNIGHT NEVER COME

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Бреннан, Мари.

Б89 Халцедоновый Двор. Чтоб никогда не наступала полночь :
[фантастический роман] / Мари Бреннан; [пер. с англ.]. — Мо-
сква: Издательство АСТ, 2019. — 432 с. — (Естественная исто-
рия драконов).

ISBN 978-5-17-119532-8

Англия процветает под властью Елизаветы — Королевы-девы, Гло-
рианы, последней и самой могущественной правительницы из династии
Тюдоров. Однако великое светило порождает великую тень. В тайных
катакомбах под Лондоном содержит свой двор еще одна королева —
Инвидиана, правительница эльфов и фей и прочих дивных жителей Ан-
глии, темное отражение земного светила. За тридцать лет, миновавших
с тех пор, как Елизавета взшла на престол, политика смертных и див-
ных неразрывно сплелась воедино, в сплошную череду тайных альянсов
и беззастенчивых измен, о существовании коих подозревают считанные
единицы.

Дивную леди Луну посылают следить за Фрэнсисом Уолсингемом,
главой разведслужбы Елизаветы, и, по возможности, манипулировать
им. Здесь ее путь пересекается с жизненным путем Майкла Девена,
смертного джентльмена, человека Уолсингема. Обнаруженный им «не-
известный игрок» в английской политике станет нешуточным испыта-
нием и для лояльности Луны, и для мужества Девена. Предаст ли Луна
свою королеву ради блага иного мира? Сумеет ли Девен уцелеть в чу-
жом, полном интриг мире дивных? Ведь только вдвоем им удастся найти
источник власти Инвидианы. Найти и уничтожить...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(4Coe)-445

Copyright © 2008 by Marie Brennan
All rights reserved.

© Д.А. Старков, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-119532-8

ПРОЛОГ

---

*Лондонский Тауэр,
март 1554 г.*

Порывы студеного ветра судорожно рвались внутрь сквозь крестообразные окна Колокольной башни, а бездельник-огонь нимало сему не препятствовал. Освещены покои были скверно — лишь солнечным светом, сочившимся из оконных ниш, да пляшущими отсветами камина, что сообщало каменным стенам и скудной мебели особенно мрачный, гнетущий вид. Безрадостное место... однако Лондонский Тауэр для радостей и не предназначен.

Юная девушка, сидевшая на полу у огня, подтянув к подбородку колени, была бледна после долгой зимы и недавней хвори. Тонкое одеяло, наброшенное на плечи, согреться не помогало, но она словно бы и не замечала этого. Темные глаза ее с болезненной завороченностью взирали на пляску языков пламени, точно в попытках вообразить, каково оно, их прикосновение. Хотя ее, конечно же, не сожгут: костер — это для еретиков из простонародья. Ее, скорее всего, ждет усекновение головы. Быть может, и ей, как матери, пожалуют палача-француза, чей меч сделает дело чисто?

Быть может, да. Если Ее величество в своем милосердии удостоит ее этакой заботы. Если у Ее величества вообще отыщется для нее хоть толика милосердия...

Тех нескольких слуг, что оставались при ней, рядом не было: в гневе она отослала всех прочь, а после еще долго пререкалась со стражей, пока не добилась желанного уединения. Да, одиночество угнетало, очень угнетало, однако в сей мрачный момент даже мысли об обществе — о риске

выказать слабость перед другими — казались невыносимыми. Поэтому-то, стоило ей, почувствовав рядом чужого, очнуться от забытья, душу вновь объял гнев. Сбросив с плеч одеяло, девушка вскочила и развернулась, готовая дать отповедь незваному гостю.

Однако слова замерли на языке, так и не прозвучав, и даже пламя в камине за ее спиной склонилось в низком поклоне.

Стоявшая перед ней оказалась не из служанок, не из смотрительниц, и вовсе не из тех, кого ей доводилось видеть прежде. Всего лишь женский силуэт, едва различимый во мраке... вот только стояла гостя в одной из ниш с завешенной, заткнутой одеялом бойницей...

...вдали от двери. И появилась в комнате без единого звука.

— Ты — принцесса Елизавета, — сказала незнакомка.

Голос ее был — что холодный дух, мелодичен, мягок, мрачен. Сама же она была высока ростом, даже выше Елизаветы, и более стройна, а одета в блестящее черное платье, плотно облегавшее торс, книзу расширявшееся, расцветавшее пышной юбкой, сверху же оканчивающееся высоким стоячим воротом, сообщавшим хозяйке весьма внушительный вид. На черной ткани то тут, то там, элегантно поблескивали темные самоцветы.

— Да, это я, — с достоинством отвечала Елизавета, выпрямившись во весь рост и расправив плечи. — И я не приказывала принимать визитеров.

Принимать визитеров ей и не дозволялось, но в заточении, как и при дворе, бравада многого стоит.

— Я не визитер, — ровным голосом поправила ее незнакомка. — Не думаешь ли ты, что это уединение — твоя собственная заслуга? Стража позволила тебе остаться одной, потому что так устроила я. Потому что мои слова предназначены только для твоих ушей.

Елизавета оцепенела.

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

— Кто же ты такая, чтобы распоряжаться моей жизнью с этакой бесцеремонностью?

— Друг. — Это слово не несло в себе ни нотки душевного тепла. — Твоя сестра намерена предать тебя казни. Рисковать, оставляя тебе жизнь, она не может: ведь ты — знамя всякого протестантского бунта и всякого недовольного дворянина, что ненавидит ее испанского муженька. Ей нужно избавиться от тебя, да поскорее.

Все это Елизавета уже высчитала и сама: пребывание здесь, в суровых стенах Колокольной башни, являло собой оскорбление для ее положения. Пусть даже пленнице, ей полагались бы куда более уютные покои.

— И ты, несомненно, явилась предложить мне путь к спасению. Однако я не веду переговоров с незнакомцами, вторгающимися ко мне без доклада, и уж тем более не заключаю с ними союзов. Быть может, твоя цель — толкнуть меня к опрометчивым поступкам, дабы мои враги смогли этим воспользоваться.

— Ты в это не поверишь... — Незнакомка сделала шаг вперед, в пятно неяркого серого света. Крестообразная бойница окна за спиною незваной гостьи превратилась в нечто вроде призрачного ореола, натужного подражания благодати Небес. — Ты не поверишь, но твоя сестрица и ее друзья-католики не станут иметь дел с такой, как я.

Тонкая, невесомая, словно дыхание, она должна была казаться безобразно, гротескно худой, но нет, об этом не возникало и мысли: лицо и тело незнакомки несли на себе печать неземного совершенства, безупречной симметрии и грации, столь же пугающей, сколь и завораживающей. Детство Елизаветы прошло в обществе ученых книжников, назначенных ей в учителя, за чтением трудов античных авторов, но знала она и сказания родной земли — предания о «малом народце», о «дивных», о «добром народе», удостоенном множества лестных эпитетов, дабы потрафить непредсказуемой, капризной натуре эльфов и фей.

Увидеть перед собою дивную — такое повергло бы на колени и зрелую даму, а Елизавете исполнился лишь двадцать один. Однако принцессе с самого детства пришлось пережить немало политических бурь, об руку с братом промчавшись по жизни от бесславного падения матери к собственному возвышению, но лишь затем, чтобы вновь пасть с вершины, когда на трон взошла сестра-католичка. Да, Елизавета была не только достаточно разумна, чтоб испугаться, но и достаточно упряма, чтоб не поддаваться страху и до конца цепляться за гордость, раз уж ничего иного у нее не осталось.

— Ты думаешь, меня обморочить проще, чем сестрицу? Кое-кто говорит, будто ваше племя — падшие ангелы, а то и слуги самого дьявола.

Смех гостя зазвенел осколками битого хрусталя, эхом отозвавшись под каменными сводами.

— Нет, дьяволу я не служу. Я предлагаю тебе договор о взаимной поддержке. Приняв мою помощь, ты не только покинешь Тауэр, но и займешь трон сестры. Трон своего отца. Отвергнешь ее — и жизнь твоя наверняка в скором времени подойдет к концу.

Однако, прекрасно зная, что такое политика, Елизавета даже не стала раздумывать над предложением, не выслушав его целиком.

— Ну, а взамен? Какой дар — несомненно, лишь мелкий, незначительный пустячок — потребуешь ты от меня?

Губ незнакомки коснулась едва заметная улыбка.

— О, это отнюдь не мелкий пустячок. Подобно тому, как я помогу тебе взойти на престол, ты поможешь взойти на престол мне. Когда же мы обе окажемся у власти, возможно, снова сумеем друг другу пригодиться.

Все трезвые, расчетливые инстинкты, вся природная недоверчивость натуры остерегала Елизавету от подобного соглашения. Однако над ней уже реял дух смерти, уверенность в ожесточении и ненависти сестры укреплялась день

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

ото дня. Разумеется, у нее имелось довольно союзников, но где же они? Их нет. Стоит ли полагаться на то, что они спасут ее от плахи и топора?

— Ты еще не назвала мне своего имени, — сказала она, дабы скрыть сии мысли.

Фея сделала паузу.

— Инвидиана, — веско отвечала она.

Вскоре вернувшись, служанки Елизаветы обнаружили, что госпожа их по-прежнему сидит в кресле у камина, устремив взгляд в его огненный зев. В покоях опальной принцессы царила леденящая стужа, однако Елизавета не потрудилась укрыться ни плащом, ни одеялом. Тонкие, изящные руки принцессы мирно покоились на подлокотниках. Весь этот день и в течение многих других, пришедших ему на смену, она держалась спокойно и тихо — настолько, что камеристки начали за нее волноваться, но, получив известие, что принцессе разрешено время от времени прогуливаться по стене и дышать свежим воздухом, немало воспрянули духом. Несомненно, — надеялись они, — будущее их госпожи, а значит, и их собственное будущее, наконец-то изменится к лучшему!

Akm 1

*Узрев ее, остановило время ход,
День, месяц, год — эпоха перед ней покорно ждет.
Царить ей днесь, владычице, богине,
Пока светила вспять не повернут, и время не утратит имя.*

Джон Дауленд.
Третья, последняя книга песен и мадригалов

Не тревожа безмолвия звуком шагов, он, далеко не столь юный, каким мог бы показаться с виду, плывет вдоль коридора, точно под ногами — не камень, а тот же сумрак, что окружает его со всех сторон.

Шепот его вьется в воздухе, отражается негромким эхом от отсыревшего камня стен:

— Любит... Не любит...

Плотный бархат и блестящая парча богатых, черных с серебром одежд, бледная кожа, десятки лет не видевшая солнечного света, не укрощенные, не завитые в букли волосы свободно ниспадают на плечи, лицо гладко выбрито — так нравится ей.

— Любит... Не любит...

Тонкие пальцы щиплют нечто невидимое, словно бы обрывая с ромашки лепесток за лепестком, чтоб тут же, позабытый, обронить его наземь.

— Любит... Не любит...

Идущий резко останавливается, всматривается во мрак, тянется дрожащей рукою к глазам.

— Она, понимаешь ли, хочет забрать их, — доверительно сообщает он тому, кого видит, или же думает, будто видит. За годы, проведенные здесь, мироздание сделалось для него субстанцией послушной, податливой, недолговеч-

ной, меняющейся ни с того ни с сего. — И сегодня опять говорила об этом. Забрать у меня глаза... Тиресий был слеп. А еще одно время — знаешь? — был женщиной. И у него была дочь. А у меня дочери нет.

Дыхание его прерывается, застревает в горле.

— Когда-то у меня была семья. Братья, сестры, мать с отцом... Я был влюблен. И вполне мог бы иметь дочь. Но ныне их всех уже нет. Есть только она — только одна она на всем белом свете. Об этом она позаботилась.

Не удостаивая вниманием грязь, пятнающую его роскошные одежды, он прислоняется к стене, сползает вниз, садится на пол. Вокруг — один из дальних подземных коридоров Халцедонового Чертога; хладный блеск дворцовых красот остался в стороне. Она позволяет ему гулять, бродить, сколько заблагорассудится, хоть и не отпускает далеко. Кому она делает большее, держа его рядом — ему или себе самой? Ведь только он, только он один помнит, каким был этот двор в его ранние дни. Даже она предпочла об этом забыть — так зачем же тогда удерживает его при себе?

Ответ известен. И всегда неизменен, каким бы ни был вопрос. Власть, да еще — иногда — развлечение. Иных причин ей не надобно.

— И что вверху, подобно тому, что внизу, — шепчет он незримому собеседнику, порождению своего больного разума. — А что внизу, подобно тому, что вверху.

Взгляд сапфировых глаз устремляется кверху, точно способен проникнуть сквозь каменную толщу и чары, скрывающие Халцедоновый Чертог от нежеланных взоров.

Там, наверху — утраченный им мир, прежний мир, что порой кажется только сном (вот он, еще симптом, еще один признак безумия). Людные, грязные улицы Лондона, кишачи торговцами и чернорабочими, благородными и ворами, иностранцами и деревенщиной; деревянные дома, узкие переулки, доки, великая Темза — человеческая жизнь во всем своем лубочном великолепии! И, разумеется, блеск верхне-

ЧТОБ НИКОГДА НЕ НАСТУПАЛА ПОЛНОЧЬ

го двора, царственной Тюдор, Елизаветы Регины, королевы Англии, Франции и Ирландии, Глорианы с ее великолепной свитой.

Великое светило, что порождает великую тень...

А он сидит далеко внизу, в темноте, прислонившись спиной к стене и поджав к подбородку колени. Взгляд его падает вниз, и он вновь поднимает руки, словно вспомнив о позабытом цветке.

— Любит...

— Не любит...

Ричмондский дворец, Ричмонд, 17 сентября 1588 г.

— Подойди ближе, юноша, дай-ка взглянуть на тебя.

В покоях, отделанных резными дубовыми панелями, было полно народу — одни держались неподалеку, другие же сидели в стороне, играя в карты и тихо беседуя. Сидевший у окна музыкант наигрывал на лютне простенький мотив, а он, Майкл Девен, никак не мог избавиться от ощущения, будто все вокруг открыто или украдкой смотрят на него. Казалось, их пристальные взгляды сообщают всему телу неожиданную неловкость, вяжут по рукам и ногам.

К аудиенции он во всем, что касается внешности, подготовился с более чем обыкновенным тщанием. По заверениям портного, щегольская парча дублета* как нельзя лучше сочеталась с синевою его глаз, рукава рассекали вставки из белого шелка, каждая прядка тщательно уложенных волос знала свое место, а кроме того надел он и все свои драгоценности, какие только гармонировали друг с друж-

---

* Дублет — мужская верхняя одежда, распространенная в Западной Европе вплоть до XVII в., первый образец одежды, который плотно сидел на теле, нередко — с отдельными рукавами, пришитыми или притянутыми шнурами к плечам. — *Здесь и далее прим. переводчика.*